

Владимир ФИЛИППОВ
Михаил ЕЛИСЕЕВ

РУСЬ против европейского ига

от Александра Невского
до Ивана Грозного

**Владимир Валерьевич Филиппов
Михаил Борисович Елисеев
Русь против европейского
ига. От Александра
Невского до Ивана Грозного
Серия «Запрещенная Русь»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10359154

*Владимир Филиппов, Михаил Елисеев. Русь против европейского ига. От
Александра Невского до Ивана Грозного: Яуза, Эксмо; Москва;
ISBN 978-5-699-79999-2*

Аннотация

Европейская агрессия против России началась не вчера, не при Гитлере и Наполеоне – этому конфликту цивилизаций скоро 1000 лет. «Крестовый поход на Восток» был объявлен немецкими военно-монашескими орденами еще в начале XIII века. Ордену Меченосцев наследовали Тевтонский и Ливонский, рыцарей с красными крестами на плащах сменили рыцари с черными крестами – а войне не было конца. Чудское озеро, Дерпт, Раковор, Нарва, Псков, Новгород – ожесточенные сражения на северо-западных рубежах кипели 350 лет. Как Русь устояла меж двух огней, против Востока и Запада? Кто был самым страшным

врагом Русской Земли – крестоносцы, Орда или новгородская «демократия», мешавшая князьям раз и навсегда покончить с немецкой угрозой? И какую цену приходится платить, чтобы остановить европейский «дранг нах Остен»? В этой книге вы найдете исчерпывающую информацию обо всех войнах Руси против крестоносцев – от Владимира Псковского и Александра Невского до Ивана Грозного.

Содержание

Орден меченосцев	6
Владимир Псковский (Забытый святой)	38
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Владимир Филиппов,
Михаил Елисеев
Русь против
европейского ига. От
Александра Невского
до Ивана Грозного**

© Филиппов В., Елисеев М., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Орден меченосцев

Начало XIII века было временем сильнейшего религиозного подъема во всей Европе. Началась эпоха крестовых походов. Да что там эпоха, наступила целая эра. Крестовые походы продолжались, продолжались и продолжались. Конца им не было видно. Война за веру была в самом разгаре. Она стала модной, а профессия «крестоносец» – в определенной степени престижной и довольно популярной.

С появлением такого явления, как крестовые походы, Европа вздохнула с облегчением, ибо сумела таким образом избавить себя от очень большого числа забияк, задир, бретеров, буянов, дебоширов, а порой и просто титулованных разбойников. Теперь их энергия была направлена не против своих соплеменников и единоверцев, она нашла полезное и нужное применение. Все эти неблагонадежные и вносящие смуту «опасные элементы» стали борцами за веру. Священный крест, если и не изменил их, то направил в нужное для церкви и всей светской Европы русло. Из преступников и авантюристов они превратились в истинных борцов за веру. Отстаивавших ее мечом и копьем на переднем крае борьбы религий. Церковь получила в руки добровольную могучую армию, за которую не надо было платить и не нужно было нести расходы на ее содержание. А приложить попавшие им в руки силы церковным прелатам было куда. Противников христианства находилось все больше, и оказывались они в разных частях света. Риму не нужно было прилагать боль-

шого труда, чтобы таковых найти. Вскоре новый враг истинной веры проявился совсем недалеко, не в Святой земле, а в Европе, где жили те, кто исповедовал христианство.

В начале апреля 1147 года римский папа Евгений III был в гостях у своего учителя Бернарда, аббата монастыря в Клерво. Там Бернард Клервоский убедил Евгения III развернуть вектор крестовых походов с юга на восток, обратив их против язычников Европы. Эту идею римский папа воплотил в булле под названием «Divini dispensatione», что переводится в первом приближении как «Божественное распространение». Сей знаковый документ понтифик и подписал в Труа 11 апреля 1147 года. Идея этой буллы была на редкость проста. Ее главный лозунг выражался совсем незатейливо или, скажем так, без особых изысков: «крещение или смерть» (фр. *La mort ou le bapteme*, нем. *Tod oder Taufe*), «уничтожить или обратить в христианство». Выражено кратко, но емко. Чтобы далеко не ходить, а сразу начать сеять разумное, доброе и вечное у себя под боком, то начать решили с вендов.

То есть, европейцы-язычники должны или склониться перед папой, или умереть. Иного не дано. Ну а Христово воинство, не щадящее ни сил, ни жизней для этого святого дела, должно было заодно поправить и свои финансовые дела. Вера верой, но большинство крестоносцев были очень и очень практичны, особенно если это касалось немцев.

Каким образом рыцари Христа будут выполнять свою по-

четную миссию, не особо кого волновало, однако и предугадать образ их действий никакого труда не составляло. Ничего нового крестоносцы не привнесли и не изобрели.

Недолго думая, обуреваемый религиозным пылом папа Евгений III одним росчерком пера приравнял поход в Прибалтику к походам в Святую землю. Теперь, чтобы служить идеям христианской веры, не обязательно нужно было отправляться за тридевять земель. Особенно тем же немцам. В желающих стать крестоносцем и нести свет новой веры язычникам на Восток нехватки не имелось. Это не Палестина, здесь все гораздо ближе, климат привычнее, дорога короче.

Надо было ковать железо, пока оно горячо.

В этом же самом 1147 году крестовый поход против полабско-прибалтийских славян или, проще говоря, ободритов и лютичей, был предпринят немецкими феодалами. Крестоносцев возглавили саксонский герцог Генрих Лев и бранденбургский маркграф Альбрехт Медведь. Понятно, что главной ударной силой в нем выступали германцы.

Рыцари, пылая религиозным пылом и пользуясь ситуацией, пытались вытеснить лютичей и бодричей с их земель.

Силы, брошенные на это мероприятие, были велики, результат неоднозначен.

Есть все основания назвать эту акцию первым конфликтом между славянами и крестоносцами. Пока еще это были славяне, не проживающие на русских землях, но начало бы-

ло положено. Немцы уже тогда были практичны. Пока французы и англичане проливали кровь на далекой Святой земле, отстаивая Гроб Господень, германцы решили, что синица в руках лучше журавля в небе. А потому не грех прибрать к рукам земли прибалтийских язычников, пока ими не заинтересовались воины Христовы из других католических королевств. Может, они и более бедны, чем Палестина и Левант, но в перспективе обладание ими куда более выигрышно! К тому же, в случае необходимости, из Германии в любой момент может подойти помощь, что немаловажно, а на Ближнем Востоке такая возможность изначально исключалась. Что в итоге и привело латинские королевства Святой земли к краху.

Опять же, перспектива. А она была заманчива. После освоения захваченных территорий появлялась возможность занести крест Священной Римской империи и дальше, на русские земли. Чего уж останавливаться. А русские земли, они бескрайние, их границы необозримы. От одной только мысли, от одной только перспективы о таком масштабе деятельности перехватывает дух. А мечты, они на то и мечты, в них все возможно. Аппетит приходит во время еды. И мало ли как оно повернется...

От таких мыслей кружились и более крепкие головы, чем те, что носили на своих плечах крестоносцы.

Но пока это были только планы. Однако в совсем скором будущем, когда Русь и орден станут практически соседями,

они начинают сталкиваться все чаще, и мирное сосуществование двух систем станет невозможным. На радужные перспективы изначально не рассчитывал никто.

Не вызывает сомнений, что главной заботой папы было нести свет Христовой церкви во все закоулки мира. И пока в этих закоулках еще была тень, папа никак не мог успокоиться. Работа такая! Однако неоспоримым является и тот факт, что каждый христианский правитель, неважно, церковный он или светский, каждое государство и каждый народ блюли в первую очередь свои интересы, далеко не всегда совпадающие по каким-то вопросам, а иногда даже противоречащие политике Святого престола.

Но вернемся непосредственно к нашей теме. В этот период рыцарские ордена появляются и растут, пусть и не как грибы, но все же в достаточном количестве. Тамплиеры, госпитальеры, тевтонцы, меченосцы... Сейчас нас больше всего интересуют последние. Ибо они первые и вступили в конфликт и контакт с Русью.

Орден меченосцев – немецкий духовно-рыцарский католический орден был основан в самом начале XIII века. Официальную дату основания ордена меченосцев до сих пор узнать не удалось.

Считается, что это произошло в 1202 году по инициативе деятельного бременского каноника Альберта фон Буксгевдена, ставшего первым рижским епископом.

Немецкий священник Генрих Латвийский, который был

не только современником, но и учеником епископа Альберта, писал в своей «Хронике Ливонии»: *«В год господень 1198 достопочтенный Альберт, каноник бременский, был посвящен в епископы. В следующее за посвящением лето он отправился в Готландию и там набрал до пятисот человек для крестового похода в Ливонию. Во второй год епископства Альберт, вместе с графом Конрадом Дортмундским, Гербертом Ибургским и многими пилигримами, пошел в Ливонию, имея с собой 23 корабля. Зная злобу ливов и видя, что без помощи пилигримов он ничего не добьется с этими людьми, епископ послал в Рим брата Теодориха из Торейды за грамотой на крестовый поход».*

Зная злобу ливов, изначально нужны пилигримы, рослые, отважные и физически мощные, чтобы лучше донести до них слово Господа. Чтобы дошло оно до язычников. Беда была в том, что пилигримы не были организованы, а вот если организовать их в одну спайку, то и получится орден.

У епископа Альберта была светлая голова, он всегда мыслил на несколько шагов вперед.

Первые шаги по созданию ордена были предприняты помощником Альберта монахом-цистерцианцем Дитрихом Трейденским в 1202 г., причем сам епископ в это время отсутствовал, отбыв в Германию для организации очередного набора крестовых воителей из числа добровольцев. Генрих Латвийский пишет, что в этом же 1202 году *«брат Теодорих (т. е. Дитрих) учредил братство рыцарей Христовых, ко-*

тому же господин папа Иннокентий дал устав храмовников (тамплиеров) и знак для ношения на одежде – меч и крест, велел быть в подчинении своему епископу». Понятно, что сам «брат Теодорих» учредить новый орден не мог, ему по статусу не положено заниматься подобной самодеятельностью. Вряд ли мог это сделать и епископ.

Пока Альберт лично нес Святое писание в народные массы, Дитрих по его поручению отправился в Рим, где, в частности, должен был получить согласие папы на создание нового ордена. Такой момент запротоколирован под 1203 годом от рождества Христова. Судя по всему, Дитрих исправно выполнил данное ему поручение и возвратился домой с папским разрешением, каковое и положило начало существованию «братства воинства Христова». Однако есть небольшая странность, потому что булла, которой Иннокентий III официально учредил орден меченосцев, до сих пор неизвестна. Обычно папа возвещал о создании нового ордена специальным посланием. Так было с тамплиерами, иоаннитами и тевтонцами. Почему здесь все пошло иначе, непонятно.

Чтобы как-то объяснить сложившуюся ситуацию, некоторые современные историки утверждают, что такая булла появилась в 1202 г., однако к тому времени Дитрих Трейденский еще не получал указаний от своего непосредственного патрона, а значит, и не встречался с папой!

Тем не менее в булле от 12 октября 1204 г. папа Иннокентий III упоминает о новом ордене, признавая тем самым

факт его существования. И хотя в этой булле не говорится о папской санкции на его создание, есть мнение, что именно с этого момента можно считать орден меченосцев официально учрежденным. Существуют и другие предположения на этот счет. С.А. Аннинский, комментатор «Ливонской хроники», считал, что действительное утверждение ордена состоялось в 1210 г. и информация об этом содержится в булле от 20 октября, утверждающей раздел Ливонии. Но только вряд ли это является возможным.

Не верится, чтобы папа утвердил орден лишь через шесть лет после того, как впервые сам и упомянул о нем. Это уже перебор.

Ответ на вопрос об истинном времени основания ордена меченосцев, возможно, следует искать еще в одной стране, отличающей это военно-монашеское братство от других. Меченосцы были единственными, кто не подчинялся непосредственно папе, они подчинялись напрямую рижскому епископу. Это привело позже к довольно серьезным противоречиям между орденом с одной стороны и рижскими епископами (позднее архиепископами) с другой.

Скорее всего, именно по этой причине Иннокентий III и не утверждал «Братство воинства Христова» отдельной буллой. Ведь все известные до этого буллы, возвещавшие об образовании рыцарских организаций: тамплиеров, иоаннитов (госпитальеров), тевтонцев, касались только орденов, подчинявшихся непосредственно папе, а этот орден подчинялся

местному иерарху – непосредственно епископу Альберту.

А раз так, то и привилегиями, которыми наделялись официальные ордена тамплиеров, госпитальеров, тевтонцев, данный «местечковый» орден не обладал. Раз подчиняется непосредственно епископу, пусть он сам их и привилегирует на особых основаниях.

Эту теорию подтверждает тот факт, что слияние меченосцев с тевтонцами было оформлено и запротоколировано, как положено, отдельной папской буллой от 13 мая 1237 г.

Скорее всего, папа, дав неофициальное разрешение, ибо это было в его силе и ни к чему не обязывало, а также могло принести соответствующие дивиденды, просто решил подождать. Понаблюдать со стороны за развитием детища, столь активно развиваемого епископом во славу церкви. Если все будет удачно, то официально все можно будет оформить и позже, а если нет, то значит, такова божья воля. Хотя как ни крути, а орден меченосцев и так подчинен церкви.

Поэтому и мы остановимся на дате 1202 г. и после этого пойдем дальше.

Что же касается Альберта, с которым мы встретимся еще не раз, то его карьера стремительно шла в гору. Уже в 1207 году, совсем еще недавно простой бременский каноник, а ныне рижский епископ, Альберт становится князем Священной Римской империи, принеся присягу императору Филиппу Швабскому. Благодаря упорному труду на благо церкви и активной жизненной позиции в деле просвещения язычни-

ков светом истинной веры, а также созданию «своего ордена», он теперь очень, очень и очень важная фигура.

Не случайно римский папа Иннокентий III вскоре сделал рижского епископа независимым от императора Филиппа, подчинив его напрямую себе.

Следующий римский папа присвоил Альберту сан архиепископа, что значительно повысило его политическое влияние и расширило возможности.

Однако вернемся к меченосцам. Путаница с ними, как вы, наверное, уже поняли, началась с самого момента основания ордена, поэтому удивляться, что и в других вопросах, связанных с этим воинственным братством, она происходит постоянно, не приходится.

Орден меченосцев также частенько отождествляют с Ливонским орденом, а кто-то описывает их вообще как один и тот же орден. Это тот вопрос, в котором путаница наблюдается довольно часто. Однако давайте сразу же оговоримся, что это две совершенно разные организации, поскольку одна из них пришла на смену другой.

Как мы уже говорили, 20 октября 1210 года епископ Альберт вместе со вторым и последним магистром ордена меченосцев Волквином получают от папы Иннокентия III привилегию на раздел Ливонии и Семигалии, а также новое разрешение на отпущение грехов, что можно рассматривать как руководство к действию. Именно в этой булле происходит настоящее утверждение или, если хотите, признание ордена

папой.

Официальное название ордена меченосцев – «Братья Христова воинства» (латинское название *Fratres militij Christi de Livonia*). У германцев оно звучало так: *Schwertbruderorden* – орден братьев меча. Также они были известны как Рыцари Христовы, Братья Меча и Охранники Христа Ливонии.

Как говорится, названий много, выбирай на вкус, суть, однако, при этом оставалась неизменна. Это и было главным.

Изображение красного креста с расширяющимися концами, под которым вертикально располагался такой же красный меч, на белых плащах и гербе братьев-рыцарей дало нарицательное название всему воинственному братству – орден меченосцев.

Знак меча должен был не только отличать меченосцев от рыцарей тамплиеров, госпитальеров и прочих, но и показывать, что они не подчинены последним. То есть самостийны. Хотя их устав был основан именно на уставе рыцарей Храма Соломона, а если говорить прямо, то тщательно переписан один в один.

Зачем было придумывать что-то новое, когда уже было хорошо изученное и проверенное старое, которое можно было только аккуратненько подредактировать и подогнать под свои цели и местные условия. Незачем больше мудрить, изобретая колесо.

В силу того, что официально орден папой не утверждался,

то соответственно, ни в одной из булл нам не удастся найти и описания орденского знака, утвержденного «сверху» для ношения на плаще. О том, что Иннокентий III дал меченосцам *«знак для ношения на одежде – меч и крест»*, мы знаем только со слов Генриха Латвийского, но даже у него отсутствуют указания на то, какого цвета эти знаки должны быть. Решения о присвоении папой тамплиерам, госпитальерам, а также тевтонцам характерных знаков с точным указанием цветовой гаммы всем известны.

Как видим, с меченосцами опять все не слава богу, даже с фирменным знаком и то проблема. Видимо, и его, как и устав ордена, а также и цвета выбирал сам епископ Альберт. Дальше все просто и понятно. Самый известный, процветающий и популярный на тот момент был орден тамплиеров, у рыцарей которого на белых плащах красовался красный крест. И чего тогда епископу голову ломать, занимаясь дизайнерскими изысканиями? Он не имиджмейкер. У него и других забот хватает, поэтому надо просто взять лучшее и чуток подправить. Это намного быстрее и проще.

Но даже если принять во внимание все эти факты, то мы все равно столкнемся с некоторыми вопросами и загадками.

Вернемся к официальному знаку. Немецкие и французские историки приписывали ему совершенно произвольные формы. Например, в виде двух перекрещенных красных мечей остриями вниз или с добавлением вверху золотой цепочки, связывающей рукояти мечей.

Современные художники иногда изображают вместо креста золотые шестиконечные звезды или два скрещенных меча.

Существует около семи основных композиций, которые различные авторы «помещали» на белых плащах меченосцев. Эти композиции отличались как самими знаками, так и их цветовым исполнением, не говоря уже о взаимном расположении самих знаков.

Наиболее достоверное известие об официальном «знаке» меченосцев (кем бы он ни был утвержден) относится лишь к 20-м годам XIII в. Так что знак этот, да и то изображенный лишь на орденской печати, появился спустя почти 20 лет после создания ордена и просуществовал менее половины срока, отмеренного историей меченосцам.

Может быть, поэтому историки, не имея четкого представления о знаке ордена меченосцев, который должен быть помещен на их плащах, и «выводили» его логическим путем из неофициального названия ордена. Напомним, а кому-то, может, и сообщим, что прижизненных изображений рыцарей этого ордена не сохранилось, фото- и киноматериалы отсутствуют, картины и рисунки современников до нас не дошли – мало того, отсутствуют даже надгробные плиты и настенные фрески, на которых можно было бы видеть униформу меченосцев. А ведь именно по таким изображениям и судят о внешнем виде и геральдике рыцарей практически всех орденов, будь то тамплиеры или тевтонцы...

К тому же, термины «меченосцы» и «орден меченосцев» полностью отсутствуют в «Ливонской хронике», хотя завершается она событиями 1227 года.

Однако западные исследователи используют только термин «меченосцы», практически выбросив из обихода его «официальное» название – «Братство воинства Христова». Может быть, так оно проще, конкретней и точнее? Для упрощения мы пойдем по их стопам и тоже будем именовать этот орден упрощенно – меченосцы.

В чем же еще однозначно сходятся все исследователи, так это на цвете плаща, который носили «Братья воинства Христова». Он был девственно-бел.

Под плащом меченосцы носили узкий и длинный белый кафтан с красным крестом на груди и без нашитого меча.

Штатное расписание или структура ордена была такова.

Орден меченосцев состоял из: духовенства – «братьев-священников», воинов – «братьев-рыцарей», а также их оруженосцев и ремесленников, то есть «служащих-братьев».

Ливонский рыцарь и рыцарь Ордена меченосцев

Братья-рыцари были главной военной силой ордена.

Вступающий в орден давал по уставу четыре обета – обет безусловного послушания орденскому начальству, обет целомудрия, обет бедности и обет посвящения всей своей жизни «борьбе с неверными и язычниками».

Из всех этих обетов меченосцы старательно, с наибольшим удовольствием и желанием выполняли только последний.

Орденские братья были обязаны ежедневно присутствовать на богослужениях, имели общие стол и жилище в орденских замках. Одевались они в простую черную или коричневую одежду из грубой ткани, были обязаны коротко стричься и носить короткую бороду.

После того как вступающий в орден воин произносил клятву и приносил все четыре обета, его торжественно принимали в братство. На него возлагали рыцарский плащ, перепоясывали рыцарским мечом и вручали полное вооружение. Все, необходимое для жизни, члены братства получали от ордена.

Рыцари имели меч, пику, булаву и щит. Доспехи каждый рыцарь заказывал себе сам. Оружие было прочным, но без изысков и украшений – обет бедности не давал возможности развернуть свою фантазию даже здесь. Зато оно было очень высокого качества, а ведь именно в этом состоит его главное достоинство.

Каждый рыцарь получал от ордена три лошади и оруженосца. Остальные члены ордена имели одну лошадь и все

необходимое для жизни.

Несмотря на принимаемые обеты, члены ордена после завоевания языческих земель и ограбления местного населения все же обогащались лично, деля захваченную добычу между собой.

Братьями-священниками могли стать только давшие орденские обеты лица духовного, пусть даже и не дворянского звания. Братья-священники всегда ходили в походы вместе с братьями-рыцарями – ни один орденский брат не мог исповедаться и получить отпущение грехов ни у кого другого, кроме как у орденского брата-священника.

Желающих вступить в орден было не так уж и мало, но отбор был достаточно строг. Орденскими братьями могли стать только лица дворянского рода, клятвенно удостоверявшие до приема в братство, что они дворяне или рыцари, а также когда, где и как они или их предки получили эти звания. Будущие воины-монахи должны были быть рождены в законном браке, неженаты, не принадлежать ни к какому другому ордену, не заражены никакими болезнями и никому ничего не обещать до вступления в орден.

Сам орден никого не возводил в звание рыцаря.

Братья-служашие (стрелки, арбалетчики, кузнецы, повара, слуги) были только простого сословия, перед вступлением в орден они обязаны были удостоверить, что никому не принадлежали в качестве раба, и давали клятвы и обеты точно такие же, как и рыцари.

В то же время, вступив в орден, рыцари лишались многих житейских радостей. Ведь им запрещались любые развлечения, включая охоту и рыбалку. Шахматы и те были под запретом – игра азартная. Мало ли кто, сильно увлекшись, завезет противнику ферзем в глаз. Или доской шахматной с досады по голове огреет. Силы у рыцарей немерено, нрав не обуздать даже дисциплиной железной, а шахматы, они сами по себе увесистые, доски игральные – тяжелые. Дополнительные потери личного состава в мирное время никому не нужны. Так что коротать время и развивать интеллект оставалось только за молитвой.

Понятно, что неудовольствий, в том числе и по этому поводу, могло у строптивых рыцарей накопиться немало. Но отцы-основатели и тут вышли из положения с честью.

После вечерней молитвы никто из братьев не имел права вплоть до заутрени произнести хоть одно слово без крайней на то необходимости. Ущемление человеческих прав и достоинства, конечно, но в меру. А ведь если вдуматься, то и разумность можно некую в этом увидеть. Чем тише после команды «отбой» в казарме, тем лучше выспится личный состав.

Но это все еще были только цветочки. Самые жестокие обеты рыцарь принимал на себя в области целомудрия. Общение с прекрасным полом было исключено из повседневной жизни «Братьев воинства Христового» напрочь. Ни один из них не имел права не только спать с дамой, но и даже смот-

реть на ее лицо. Чтобы соблазна не было.

Однако все это лишь требования, написанные на бумаге, или, иначе говоря, свод писаных и неписаных правил, подлежащих к исполнению. На деле же далеко не все члены ордена были такими агнцами и аскетами или хотели ими стать. Среди братьев находилось немало авантюристов, отчаянных драчунов, искателей приключений и просто охотников за наживой, несмотря на данный обет бедности. Может быть, именно поэтому ни один сундук в Рижском замке не должен был иметь замка, чтобы легко можно было проверить, как рыцарь соблюдает его. Даже в этой малой части к божьим дворянам доверия не было, все было подчинено тотальному контролю. Ибо основатели ордена и сами прекрасно понимали, из кого состоит его боевое ядро и зачем эти «товарищи» здесь. Ведь по-настоящему идейных людей даже в те времена было не так и много.

От самого своего основания орден «Братства воинства Христова» имел репутацию недисциплинированного и имел тенденцию игнорировать свое подчинение Рижским епископам. Это была буйная и своевольная братия. И частенько даже самая строгая воинская дисциплина не могла обуздать страстей, которыми были обуреваемы некоторые из меченосцев. Возможно, это было потому, что лучшие из немецких рыцарей записывались в Тевтонский орден. Сюда, к меченосцам, попадали по остаточному принципу.

Особенно, если учесть, что большинство из тех, кто ока-

зался в рядах меченосцев, «рок и жестокая судьба» вынуждали искать свой путь вне дома. Звание же орденского рыцаря было в те поры наиболее почетно. Первым делом для тех, кто не имел своей земли и никаких перспектив получить долю в наследстве.

Дело в том, что западное земельное право, чтобы не дробить дворянские поместья на мелкие клочки, ввело понятие майората. Это значит, что замок и поместье в семье наследовал старший сын. Остальным ничего не перепало. Они могли рассчитывать только на свой меч, силу, удачу или, на худой конец, смекалку. Чаще всего оказывалось так, что единственное, чем большинство из них хорошо владело, был могучий удар меча по голове вероятного противника. Война была их ремеслом, смыслом их жизни.

Чтобы быть объективными и дополнить образ рыцаря-меченосца, так сказать, немного расцветить его, добавим сюда еще хорошие манеры, которыми обладало большинство из них. Правда, некоторые это умело скрывали. Сеять, пахать, собирать урожай, а также доить коров, пасти гусей или заниматься каким бы то ни было иным ремеслом они не только не умели, но и не желали в силу своего статуса.

«Негоже лилиям пряхсть». Так примерно рассуждали дворяне рыцарского сословия. Даже самые бедные.

Поэтому такой «младший сын» чаще всего был рад возможности стать членом военно-рыцарского ордена, пускай даже на самых тяжелых условиях. Тут и крыша над головой,

и пища, и одежда, и служба, и возможность прославиться, а при хорошем раскладе даже разбогатеть, несмотря на обет. И при всем при этом делая богоугодное дело, чувствуя себя частью чего-то необходимого, важного и героического.

Но если поначалу рыцарь и готов был соблюдать клятвы, то немного потерпев, понаблюдав за местными нравами и обычаями, а также сослуживцами, он начинал сомневаться в целесообразности ограничений. А стоит ли? А нужно ли? В самом ли деле это так необходимо?

И постепенно начинал давать себе поблажки, считая, что довольно главного – службы во имя Господа.

Хотя несомненно, что были и такие, что вступали в орден с самыми чистыми и светлыми намерениями. Но их меньше.

Ленными властителями ордена меченосцев были епископы, дававшие ему земли во владение на правах епископского вассала. Епископ принимал присягу в верности и послушании от орденского магистра, а сам орден подлежал епископскому суду и находился в его духовной и светской юрисдикции.

Во главе этой воинствующей организации стоял Великий магистр, который командовал войском. Он выбирался пожизненно из числа влиятельных рыцарей. Положение магистра выделялось тем, что ему полагались четыре лошади и оруженосец, который обязательно был знатного происхождения. Для ведения орденских дел магистр был наделен неограниченной властью, лишь только в некоторых случаях

подчиняясь Совету общего собрания-капитула братьев-рыцарей. Основным местом жительства магистра был Рижский замок, но во время смуты он переезжал в Цесис (Венден).

При магистре находился духовный капеллан, который исполнял обязанности секретаря и хранил печать ордена.

Высокое положение занимали казначей и драпир, ведавший орденским вооружением и снаряжением.

Помощником магистра был Великий комтур ордена (Кулдигский комтур), у которого было право в чрезвычайных ситуациях замещать своего непосредственного начальника. Ландмаршал исполнял функции главнокомандующего всеми вооруженными силами ордена, его главной резиденцией был Сигулдский замок.

Кроме них в ордене были два «провинциальных магистра», или «провинциальных комтура, которые жили соответственно в Цесисе и Сигулде. Комтур (на латинском языке – *commendator*, на немецком – *Komtur*, *Kommentur*) был управляющим округом (комтурией). Он жил в центральном замке комтурии и подчинялся только магистру ордена. В его обязанности входило руководство рыцарями и войском вассалов во время боевых действий, выполнять указы магистра, заботиться об укреплении и обороне замков на территории комтурии.

В провинциальных замках и окружавших их территориях суд и управление сосредотачивались в руках командоров, или фогтов. Фогт – на латинском языке – *advocatus*, на

немецком – vogt, voit. В его обязанности входило управление орденскими хозяйственными имениями. Он также был судьей, полицейский, финансист и военный начальник на своей территории. Первоначально значился по должности ниже комтура, но постепенно эта разница исчезла, комтуры и фогты стали равноправными властителями на своих территориях.

Управлением и судом в завоеванных землях Эстонии и Латвии ведали провинциальные орденские магистры-командоры, фогты и попечители замков. Все рыцари, жившие в одном орденском замке, составляли конвент во главе с попечителем. Частные и генеральные собрания братьев конвента назывались капитулами.

Первоначально орден получал $1/3$ завоеванных территорий, а епископ $2/3$.

Однако меченосцы полагали, что с увеличением числа людей (в первую очередь орденской братии) надлежит также приумножаться их имуществу и собственности, поэтому треть свою они требовали у епископа исправно и неотступно изо дня в день. По мнению Ф. Беннингховена, до 1210 года в ордене было всего 10 братьев-рыцарей, а в период его расцвета количество их доходило всего лишь до 110–120 человек.

По договоренности 1207 года, $2/3$ захваченных земель оставалось под властью ордена, остальная часть передавалась епископам Рижскому, Эзельскому, Дерптскому и Кур-

ляндскому. Так сказать – за кровь и риск.

К 1207 г. немцы считали подчиненными своей власти земли ливов в низовьях Гауи, и при этом орден развивался и расширялся довольно неплохими темпами. Может, поэтому в том же году между епископом-основателем и меченосцами возникли ожесточенные раздоры из-за полученных территорий. Появилась трещина в отношениях, возникло взаимное отчуждение. Этого не скрывают и хроники. Меченосцы, почував силу, хотели избавиться от любой опеки, в том числе и от того, кто сделал все для основания их ордена. Но поскольку епископ уже сделал свое дело, теперь он был рыцарям в тягость.

Главный орденский оплот – Рига далеко не всегда была каменной. Ее основатель епископ Альберт жил еще в деревянном городе. Из дерева было построено все: дома первых купцов и ремесленников, даже первая церковь святого Петра и та была деревянной. Единственное в Риге каменное здание принадлежало защитникам города. Это был замок рыцарей ордена меченосцев. И это было самое плохо отапливаемое здание во всей Риге. Зимой его стены буквально веяли холодом, создавая братьям воинства Христа дополнительные неудобства. Прогреть замок зимой до комфортной температуры не представлялось возможным. Так что наслаждаться уютом и покоем воинам-монахам была не судьба. Можно было только смириться и, как и подобает воинам Христа, терпеть.

Однако кроме замка меченосцам принадлежало в Риге и другое недвижимое имущество, причем было его совсем немало. Как и остальные городские домовладельцы, рыцари платили с него налоги.

Первым магистром ордена был Винно фон Рорбах (1202–1209), вторым и последним – Волквин фон Винтерштайн (1209–1236). За всю историю существования «Братства воинства Христова» их оказалось совсем немного.

Причем первый магистр, рыцарь Винно фон Рорбах, пал отнюдь не от руки язычника, а как раз наоборот.

Странная вышла история.

Брат-рыцарь Викберт де Зост, улучив момент, когда магистр был практически один и без охраны, под каким-то благовидным предлогом заманил его в свою келью. Возможно, пообещал открыть какую-нибудь страшную тайну, не предназначенную для посторонних ушей, а может, еще чего наплел, но доверчивость и любопытство вышли магистру боком. Потому что брат-рыцарь огромной секирой, с которой до этого не расставался ни днем, ни ночью, умелым, хорошо поставленным ударом отсек Рорбаху голову. Мастеру хватило для этого одного удара. Вторым он хладнокровно прикончил орденского священника Иоанна, который тоже проявил нездоровый интерес: решив составить магистру компанию, увязался вслед.

Любопытство и кошку сгубило.

Что послужило поводом для этого, доподлинно неизвест-

но, но зато это дает возможность понять, какие люди служили в ордене, какие среди них царили нравы и кто нес свет истинной веры прибалтийским народам.

Одно несомненно – оружием они владели отлично!

Эта кровавая история сподвигла штабс-капитана А. А. Бестужева-Марлинского, популярного в начале 20-х годов XIX века писателя, на создание рассказа «Замок Венден». Причем хотелось бы отметить, что сам по себе орден очень интересовал будущего декабриста, и прибалтийским крестоносцам он посвятил четыре рассказа: «Замок Венден», «Замок Нейгаузен», «Ревельский турнир», «Кровь за кровь» («Замок Эйзен»).

Итак, история убийства Рорбаха в интерпретации Александра Бестужева. Вот уж у кого красок не убавить. Правда, убийца магистра назван у писателя Вигбертом фон Серратом, но сути дела это не меняет. Чтобы не пересказывать, лучше привести отрывок из книги, благо он не так велик:

«– Мщение и смерть магистру! – прогремел Серрат, стаскивая его с постели. – Смерть, достойная жизни! Напрасно блуждаешь ты взорами окрест – помощь далека от тебя, как от меня сострадание. Отчего ж трепещешь ты, подлый обидчик, воин среди поселян, бесстрашный с своим капелланом? Для чего пресмыкаешься, гордец, перед врагом презренным? Меня не смягчат твои просьбы, не поколеблют угрозы, – ты не вымолишь прощения! Да и стоит ли его тот, кто дважды лишил меня чести, а детей моих – добро-

го имени. Пусть я умру на плахе убийцею; зато щит мой не задержится бесчестным флером на турнирах и мой сын, не краснея за трусость отца, поднимет налечник для получения награды. Ты презрел вызов мой, не хотел честно преломить копья с обиженным, — узнай же, как платит за обиды Серрат!

С сим словом ринулся он на магистра; но отчаяние зажёгло в нем мужество, и ужасный вопль огласил своды.

Смело схватил он грозящее лезвие и сдавил Серрата мощными руками.

Цепenea от ярости, грудь на груди смертельного врага, рыцари душат друг друга. Мeсть воспаляет Вигберта, страх смерти сузубит силы магистра, — они крутятся, скользят и падают оба! Идут, идут спасители — оружие гремит, крики их раздаются по коридорам; с треском упали двери, воины магистра с мечами и факелами ворвались в комнату... но уже поздно!

Кровь Рорбаха оросила помост — преступление свершилось!

He стало магистра, но власть его осталась, и самосудный убийца, растерзанный муками, погиб на колесе».

(А. А. Бестужев-Марлинский, «Замок Венден», 1821)

В «Ливонской хронике» причины трагедии, да и сама она описываются иначе:

«Был в то время в числе братьев-рыцарей некто Вигберт. Его сердце более склонно было к любви мира сего, чем к мо-

нашей дисциплине, и среди братьев он сеял много раздоров. Чуждаясь общения святой жизни и презирая рыцарство Христово, он пришел к священнику в Идумее и сказал, что хочет подождать там прибытия епископа и готов всецело епископу повиноваться. Братья же рыцари — Бертольд из Вендена с некоторыми другими братьями и слугами преследовали его, как беглеца, взяли в Идумее, отвели в Венден и бросили в тюрьму. Когда тот услышал о прибытии епископа, он стал просить освободить его и позволить вернуться в Ригу, обещая повиноваться епископу и братьям. Братья обрадовались и, надеясь, что после вражды и неприятностей вновь, как блудного сына, обретут своего брата, с честью отпустили его в Ригу и восстановили в общественных правах. Он, однако, лишь недолго оставался в среде братьев, подобно Иуде или волку среди овец, едва скрывая лживость своего раскаяния и выжидая удобного дня, чтобы насытить злобу своего сердца. И случилось так: в один праздничный день, когда прочие братья с другими людьми пошли в монастырь, он между тем, пригласив к себе магистра рыцарей и священника их Иоанна, под предлогом сообщения им своей тайны, наверху в своем доме нанес вдруг секирой, которую по обыкновению всегда носил с собой, удар в голову магистру и тут же вместе с ним обезглавил и умертвил священника. Об этом стало известно другим братьям; они настигли его в капелле, куда он бежал из дома, схватили и, осудив гражданским судом, по заслугам предали жестокой

смерти».

Говорят, что его колесовали, но точные данные от нас скрыты временем.

Волквин фон Винтерштайн продержался в должности намного дольше своего предшественника, однако и его судьба сложилась довольно печально. Но об этом позже.

Первоочередной целью ордена было привести в католическую веру прибалтийские народы, которые поклонялись своим надежным старым богам, а заодно расширить территории и сферы влияния. Под благовидным предлогом, как это часто бывает, скрывались хищнические намерения. Активный захват прибалтийских земель немцами начался со второй половины XII века.

За время своего существования ордену удалось одержать ряд значимых побед над язычниками. Сопротивление эстов было сломлено. На захваченных территориях меченосцы строили свои замки и крепости, зубами вгрызаясь в захваченные земли. Именно замки рыцарей стали их оплотом в завоеванной стране, а заодно и центром административного деления – кастелатуры.

Не на пару дней пришли германцы – на века!

Вот эти самые земли, как владение ордена, и объединились под названием Ливония.

Частенько меченосцы, которые не сильно разбирались в религиозной составляющей, нападали и на территорию своих православных соседей, превратив их в опасных противни-

ков. Русские города Кукейнос и Герсик были захвачены. Затем братья-рыцари совершили рейд и в Новгородскую землю.

Жизнь воинов-монахов была суровой. Походы следовали один за другим, Братья меча должны были постоянно бороться с язычниками. Зимой ли, летом ли, меченосцы мчались из боя в бой, не давая своим верным коням отдохнуть, а мечам просохнуть от пролитой крови. Работы вокруг было столько, что работали день и ночь, не покладая рук. Трудились в две смены, а порой и без выходных. Постоянное кровопролитие было неотъемлемой частью их жизни. Ливонские хроники пестрят рассказами о многочисленных битвах и походах.

Вторгаясь в землю эстов, крестоносцы жгли селения, убивали всех подряд, грабили и лишь потом занимались делами религиозными, проповедуя язычникам о вере Христовой.

Автор «Ливонской хроники» Генрих Латвийский писал об одном из таких орденских походов: *«Мы разделили свое войско по всем дорогам, деревням и областям и стали все сжигать и опустошать. Мужского пола всех убили, женщин и детей брали в плен, угоняли много скота и коней. И возвратилось войско с большой добычей, ведя с собой бесчисленное множество быков и овец».*

Боевым кличем крестоносцев было: «Бери, грабь, убивай!»

Лучшего боевого клича для воина Христа, несущего свет

истинной веры непросвещенным язычникам, было не придумать.

Постепенно расширяя свои владения и сферы влияния, рыцари не могли не столкнуться с русскими князьями.

Расстояние между землями потенциальных противников стремительно сокращалось, теперь от прямого конфликта им было уже не уйти. Но если русские об этом еще не подзревали, то рыцарей ордена такая перспектива не пугала и не смущала. Они рвались в бой. А какой враг перед крестоносцами окажется и какую веру он будет исповедовать, это уже не важно. Хоть бы и христианскую. Всегда можно найти десять отличий, из которых хоть одно да даст повод к вторжению. Даст возможность разгуляться духу германскому да раззудиться плечу молодецкому. Может, именно поэтому орден меченосцев легко наживал себе врагов и даже умудрялся превращать в них тех, кого деятельный служитель церкви – архиепископ Альберт уже смог зачислить в список своих друзей.

Владимир Псковский

(Забытый святой)

Владимир Мстиславич (до 1178—после 1226) – князь Псковский (1208–1212, 1215–1222). Сын Мстислава Ростиславича Храброго.

Вот и все. Короткая, сухая справка из биографии, которую можно найти практически в любой энциклопедии. Ни больше ни меньше. Даже самые толстые и умные энциклопедии частенько бывают скупы на интересующую нас информацию, даже в тех случаях, когда дело касается ярких личностей или, если сказать по-другому, настоящих героев. Хотя, если признаться, сведений об этом удивительном человеке действительно не так уж и много, большая часть из них безвозвратно утеряна. Вся информация лишь отдельными эпизодами, отдельными строками разбросана по разрозненным летописным свиткам, и мало кто пытался ее объединить и проанализировать.

А зря.

Псковский князь был личностью интересной и незаурядной. Это умелый и отважный воин, отчаянный храбрец. Он был одним из первых русских князей, кто лицом к лицу столкнулся с орденом меченосцев и крестоносным движением в целом, а узнав воинов Христовых поближе, сделался их

смертельным и заклятым врагом. Псковский князь стал тем человеком, которого псы-рыцари боялись как огня. Самой большой бедой этого мужественного и неординарного человека было то, что он оказался в своей семье младшим из братьев. А среди старших числился не кто-нибудь, а сам недоброй памяти Мстислав Удатный, известный смутьян, баламут и крамольник, ливший русскую кровь как водицу. Раньше в любом клане был один лидер – старший по возрасту и должности, по-иному было просто невозможно. На этом держался порядок. Многим так и приходилось жить всю жизнь в тени своих старших братьев и родственников. У Владимира была бы похожая судьба, но он сумел ее изменить. Правда, спустя годы, а то, возможно, и целые столетия, историки, не пытаясь разобраться, что к чему, стали приписывать большинство его деяний Мстиславу Удатному.

Вот кому-кому, а Мстиславу славы, внимания и почитания от историков досталось в избытке. Вот кто приковывал пристальное внимание потомков к своей персоне. Вот кто являлся лучшим имидж-мейкером своего времени. Краснобай и баламут, как назвал бы его один гениальный поэт. А ведь сам Мстислав без своего младшего брата был не так уж и опасен, можно даже сказать – безобиден. Все свои лучшие подвиги, почти все свои «героические победы» он одержал именно тогда, когда его брат Владимир был у него под рукой. Или рядом с ним. А если быть точнее, то руководил сражением, а затем лично вел в бой дружину.

Если Мстислав был рупором, притом довольно активным, охотно пускающимся в различные авантюры, при этом, чаще всего, даже не продумав их последствия, то Владимир был человек иного склада. Он хоть и младший в семье, зато самый боевой, человек дела.

Все «гениальное», что сумел сделать «лучший полководец эпохи» Мстислав Мстиславович, когда действовал самостоятельно и без своего брата, явилось миру в битве на Калке. Вот там Удатный князь смог в полной мере проявить свой полководческий дар и воинское умение. Итог подобной «гениальности», думаем, напоминать никому не нужно. Он всем известен.

О таланте Мстислава можно смело заметить одно. Положить в одном бою такое огромное количество умелых, опытных, можно сказать, элитных бойцов, обладая к тому же огромным численным перевесом над врагом, на Руси не удавалось практически никому. Но этот момент мы уже достаточно подробно разбирали в одной из своих предыдущих книг и возвращаться к нему больше не будем; кому интересно, найдут и прочитают. В остальном вы сможете убедиться по ходу нашего повествования. Ибо мы как раз входим в зону прямых действий Владимира, князя Псковского.

Давайте познакомимся с ним поближе.

Первое упоминание Владимира Псковского в летописях относится к 1180 году, когда, умирая, отец князя Мстислав Храбрый (он же, как вы уже, наверное, сообразили, отец

и Мстислава Удатного) поручил молодого княжича своему верному воеводе Борису Захарычу. Вот что доносит до нас древний текст: *«Се приказываю дѣтя свое Володимера Борисови Захарычю и с сим даю брату Рюрикови и Давыдови с волостью на рѹце, а что обо мне Бог промыслит. И тако приказав дѣти свои братье своей, умер»*. Видимо, Владимир к этому моменту был еще весьма мал и несамостоятелен. Именно поэтому верховодит в это время опытный воевода, имя наставника постоянно упоминается рядом с именем малолетнего князя как напоминание о том, на ком же все-таки лежит бремя истинной власти. В крещении сын Мстислава, возможно, имел имя Флор или Лавр, но и об этом с точностью мы судить не можем, ибо в истории он так и остался известен под именем Владимира. Князя хоть и крестились, но в обиходе и летописании использовались иные, более привычные имена.

С раннего детства князь готовится к жизни воина, а не кабинетного деятеля. Ибо что еще остается младшему сыну – только меч да седло. Совсем скоро Владимир получает боевое крещение, участвуя со своей дружиной, которой будет командовать Борис Захарыч, в битве с превосходящими силами Игоря Святославича и половцев. Сражаться князь будет на стороне своего дяди Рюрика, а вот его противником будет тот самый легендарный Новгород-Северский князь, герой «Слова о полку Игореве». Раньше Игорь сам с половцами рубился в степи, а теперь с ними на Русь пришел. Такие

вот бывают коллизии.

Затем свое ратное мастерство Владимир оттачивает в пограничной борьбе со степняками. Гонял их, как Красная Армия басмачей по Туркестану, защищая и охраняя покой и мирный сон гражданского населения.

Следующее упоминание о князе относится уже к 1208 году. С этого момента он все чаще попадает в поле зрения летописцев.

В 1208 г. Владимир Мстиславич занимает торопецкий стол, видимо, сменив на этом посту старшего брата, а затем становится князем Псковским. Случилось это при следующих обстоятельствах. Изгнанные Всеволодом Большое Гнездо из Новгорода противники «Суздальской партии» бежали в Псков и стали агитировать горожан выбрать себе собственного князя в противовес «охочим до власти» владимирцам. Активные наущения не прошли даром, и Владимир был приглашен на княжение в Псков.

Так судьба надолго связала князя и город.

С первых же дней правления он проявляет себя умелым воином, заставив врагов уважать и бояться нового псковского князя. А это как раз то, что нужно городу, стоящему на границе Руси. Разбойные литовские племена – это не русские князья, с ними не договоришься; всегда готовые к нападению, они признают только силу. Цель пока литовцы преследуют вполне банальную – грабеж и этим очень напоминают половцев, с которыми Владимир был уже хорошо знаком.

Доспехи русского дружинника. XIII–XIV век. Фото М.

В 1208 году Владимир Мстиславич участвовал в отражении литовского набега на Новгород. Как гласит летопись: «*Новгородѹци угонивъше Литву в Ходынищихъ, избиша с князьмъ Володимиромъ и с посадникомъ Твердиславомъ*». То есть литовцы были наголову разбиты, а командовал операцией именно Псковский князь. И в дальнейшем Владимир командовал псковичами и новгородцами в сражениях против литовцев, а затем по поручению старшего брата Мстислава Удатного защищал Великие Луки. С того времени и этот город считал его своим князем, но и Псков при этом Владимир за собой сохранил. Что же касается Торопца, то его передали для княжения третьему брату Давыду Мстиславичу.

Крепко обосновавшись в Пскове, князь теперь обратил внимание на своих «соседей»-меченосцев, ведущих в Прибалтике не менее активный образ жизни. Главное, что у русских и немцев был практически один и тот же противник. И те и другие отчаянно сражались с племенами ливов, которые периодически досаждали своим соседям разбойничьими набегами.

Что же касается контактов Владимира Мстиславича с меченосцами, то они были достаточно тесны и многогранны.

Псковский князь прекрасно владел ситуацией, и все изменения, что происходили в Прибалтике с приходом туда крестоносцев, он не мог не замечать. Печатью тупости он поме-

чен не был. Видел, как растет агрессивность воинства Христова, усиливается их напор и натиск на Восток. Никакого антагонизма он к рыцарям пока испытывать не мог, поскольку крестоносцы занимались своим, привычным и понятным любому князю делом. Правда, они пытались не просто подчинить себе местные племена, а в отличие от русских хотели навязать им и свою религию. То есть сделать то, на что русские князья никакого акцента не делали. В религиозные вопросы своих данников и противников наши предки вообще не вмешивались. Платите исправно и вовремя, а кому вы там молитесь, кому дары и жертвы приносите, это уже ваше личное дело. Нас не волнует. Для нас главное – шкурки в полном объеме собрать.

У немцев всегда был иной подход к делу. Он не мог не вызывать уважение. Тем более что епископ Альберт со всем своим истинно немецким старанием старался избегать конфликта с русскими князьями и Русью в целом. Да и для остальных крестоносцев работы было поле непаханое. На данный момент русские и меченосцы, можно сказать, являлись братьями по оружию, потому что и с той и с другой стороны были практически одни и те же рыцари. Вражды между ними не было, в прямых стыках они друг с другом не встречались, кровь взаимно еще не проливали. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Владимир Псковский решил найти себе в их лице союзника, так необходимого ему на тот момент.

Возможно, что в данной ситуации это был лучший выбор. По своей популярности, темпам развития и перспективам орден мог стать могучей силой. А Владимиру и его брату Мстиславу союзник был нужен не против кого-нибудь, а против самого Всеволода Большое Гнездо и его клана. Найти на Руси надежного партнера для такого опасного и неоднозначного союза было непросто. Далеко не каждый князь готов был выступить против Всеволода Великого и его сыновей. А союзник, или еще лучше, друг, ох как был нужен.

Совсем недавно, а именно в 1209 году старший брат Владимира Мстислав Удатный имел неосторожность совершить непростительную глупость, вступив в прямую борьбу с самым могущественным князем на Руси – Всеволодом Большое Гнездо, чей авторитет был непререкаем. По наущению ли главного противника Всеволода, его тезки Черниговского князя Всеволода Чермного (Рыжего), он совершил сие действие, или по своему скудоумию, это уже не так и важно. Важно другое: Мстислав, долго прозябавший в безвестности и бедности, решил выйти на тропу войны.

Возможно, почуяв слабость в позициях владимирского князя, он решил испытать его на прочность и атаковать позиции суздальцев в Новгороде. Выглядело это так: *«Зимою нежданно напал Мстислав на Торжок, схватил дворян Святослава Всеволодовича и новоторжского посадника, державшегося суздальской стороны, заковал, отправил в Новгород...»* (Костомаров). Оттуда смутьян выдвинулся на Нов-

город, как представитель и заступник вечных новгородских вольностей и законов. Вступив в город при поддержке местной партии «противников суздальского диктата», Удатный взял в заложники малолетнего сына Всеволода Святослава, находившегося в Господине Великом Новгороде на номинальном княжении. Мальчишке на тот момент едва исполнилось 13 лет.

Такой наглости Всеволод никому не прощал. И хоть он был занят на тот момент делами в Рязани, но, узнав о том, что случилось, немедленно развернул полки, и те бодро промаршировали к новгородским пределам. Проучить торопецкого выскочку суздальский властелин решил силами трех своих сыновей: Константина, Юрия и Ярослава. Заодно скрепив этим походом их не только братскую, но и боевую дружбу.

Все быстро вернулось на круги своя. Как бы Мстислав ни пыжился, как бы громко ни пыхтел и ни распыхался словесно, как щеки ни надувал, пугая оппонентов, но юного княжича ему пришлось немедленно отпустить, а самому с той же прытью, с какой приехал, ретироваться в свои владения. Ярослав и Юрий жаждали крови, но осторожный и неохотий до драки Константин, внявший просьбам новгородцев, как старший в этом триумvirате, решил спустить дело на тормозах, то есть мирно и полюбовно. Раз уж новгородцы одумались, раскаялись и с баламутом расстались. Однако теперь Мстислава Торопецкого заметили, и те же новгородцы по-

стоянно имели его в виду как достойный противовес любой враждебной им силе. Противовес, который можно использовать по своему усмотрению, даже в пику клану владимирских князей.

Однако вернемся к сложившейся на данный момент ситуации и поиску союзника, так необходимого Мстиславичам. Казалось бы, конфликт исчерпан. Но и Мстислав, и его младший брат Владимир понимали, что одним нагоняем тут дело может и не обойтись. Верить в то, что все худшее уже позади и за деяние другой награды не будет, было бы очень наивно. Тем более что единственный союзник, который мог им в тот момент оказать реальную помощь, – Всеволод Чермный, тоже резво замирился с могучим и ужасным хозяином Залесских земель. Коварный, беспринципный Рыжий князь, подмявший под себя половину Южной Руси, и тот пошел на попятную, что делал крайне редко. Чермный был не глупый человек и знал, когда надо остановиться. Несколько напоминаний ему не требовалось. Убедившись в бесперспективности борьбы, он предпочел породниться.

Черниговский князь забыл старую вражду, что вполне соответствовало его интересам на данный момент. А раз так, то Чермный с легким сердцем мог утопить свою ненависть в ближайшем колодце и крышку гвоздем приколотить. Уже в следующем 1210 году он заключил долгосрочный мир с владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо, скрепив дружественный союз свадьбой. Рыжий выдал свою дочь Ага-

фью замуж за сына Всеволода Юрия (1211). А в качестве приданого он добровольно и без всякого нажима возвращает суздальцам захваченный ранее Переяслав Южный со всеми прилежащими территориями. И клянется блюсти интересы владимирского родственника в этом регионе. Куда уж здесь соваться Мстиславу Удатному, у которого за спиной никого!

Но вернемся к Владимиру и посмотрим, чем же он все это время занимался. Как мы увидим, псковский князь был человеком деятельным и сложа руки не сидел. Это было вообще время деятельных князей. Вот Владимир и развил бурную деятельность на западной границе своих владений, вступив в тесный контакт с крестоносцами.

Чтобы понять, почему двух таких разных людей, как Владимир Мстиславович Псковский и Альберт Рижский, неудержимо влекло к установлению союза и причем как можно в кратчайшие сроки, необходимо сделать небольшое отступление.

Начнем с псковского князя.

Того, что произошло в Новгороде, мы только-только коснулись. Владимир, как младший брат, не мог не участвовать в этой аванюре. Старший практически всегда держал его при себе для решения именно практических вопросов. То есть для тех случаев, где одним лишь словоблудием не обойдешься. А теперь, когда предприятие потерпело жуткое фиаско, союзники нужны были как никогда.

Итак, на Руси противовеса владимирским князьям на тот

момент было не найти. А вот в Ливонии начинал понемногу завоевывать себе репутацию новый рыцарский орден. Имя «крестоносец» во всей Европе звучало гордо, можно сказать, гремело. Совсем недавно епископ Альберт вернулся из Германии в сопровождении большого числа пилигримов, желающих распространять свет христианской веры в дремучей Прибалтике, меняя к лучшему жизнь закоренелых язычников. *«Среди них были: Рудольф из Иерихо, Вольтер из Гаммерслева и множество других знатных людей, рыцарей, клириков и всякого народа; все они, не побоявшись опасностей морского плавания, прибыли в Ливонию»* (Ливонская хроника). И такой поток добровольцев должен был только нарастать.

Еще раз напомним, что сами по себе ни Рижское архиепископство, ни орден меченосцев врагами Руси, а Пскову и Новгороду в частности, на данный момент еще не являлись. Конфликт только набирал силу. Крестоносцы лишь недавно, да и то краем, потревожили псковские земли. Но то, что Рига должна была стать плацдармом для всего североевропейского рыцарства и купеческой Ганзы в продвижении на Восток, не могло не быть угрозой для Руси. Со временем крестоносцы должны были превратиться в страшную силу. Владимир это разглядел уже тогда и сделал первый шаг навстречу.

Для начала он попытался наладить прочные мирные отношения с орденом путем заключения династического брака. Этот путь был не раз опробован. Просто, проверено, надеж-

но. Таким образом, дружба Владимира с меченосцами получила документальное подтверждение и официальную основу. К чему это приведет, не мог еще предсказать никто.

Епископ Альберт как личность производил приятное впечатление. Сам по себе он вообще был неплохой человек. Умеренный, деятельный, выдержанный и главное, не фанатичный, трезво оценивающий обстановку. Он умел много работать и заводить себе друзей. А дружба с псковским князем для епископа была просто подарком. Так что союз, скрепленный личной приязнью, был сейчас выгоден обоим. И что с того, что один немец, а другой – русский князь. Мстислав Удатный все время ориентировался на Запад. Всеволод Большое Гнездо при нужде обвенчал своего сына Ярослава с дочерью половецкого хана Кончака, чем обрел себе сильного, беспринципного, но верного союзника. Опять же обезопасив от степных хищников границы своих земель. Вот и призадумался, кому с кем дружить и кому с кем родниться. Псковскому князю Владимиру многие современные историки именно эту дружбу ставят в вину, забывая при этом, что никакой вражды у русских ни с крестоносцами, ни с немцами доселе не водилось. И за это объявлять его чуть ли не предателем по меньшей мере глупо.

Каким именно был этот брак?

Историки расходятся в версиях. По сведениям Генриха Латвийского, нашедшим отражение у С. М. Соловьева, дочь Владимира была замужем за Дитрихом (братом самого риж-

ского епископа Альберта). По версии Л. Войтовича, Владимир был сам женат на дочери упомянутого Дитриха Буксгевдена. Достоверные источники, где упомянут брак обеих (как «дочери Дитриха», так и «дочери Владимира»), – пока не известны. Скорее всего, здесь можно положиться на мнение Генриха Латвийского. Он должен был знать, о чем пишет. Во-вторых, жена князя Владимира больше известна как Агриппина Ржевская. У нее имелись свои владения. Вряд ли немку русские летописи стали бы именовать таким титулом.

Дальше все развивалось так, как и положено было по логике сюжета. Изгнав Мстислава Удатного из Новгорода, Всеволод Большое Гнездо и не думал останавливаться на достигнутом успехе. Особенно теперь, когда можно было поднять под себя и своенравный Псков. Он хоть и не Новгород, но тоже может быть полезен. Вот здесь сторонниками суздальской партии и был грамотно разыгран козырь о тайной и крепкой дружбе Владимира с немцами. Возможно потенциальными врагами, которые причиняли все больше и больше неудобств интересам Руси и постепенно становились явной угрозой для ее северных границ. В таких городах, как Псков и Новгород, для изгнания князя порой было достаточно и более глупого и беспочвенного обвинения. Главное было не в нем, а в том, чья партия в городе на данный момент сильнее. В этот раз Всеволод победил. Ему было недосуг разбираться в личных качествах псковского князя. Достаточно того, что он принадлежал к иному, враждебному ему клану.

Так Владимир остался без княжества, зато с новыми родственниками. Его место занял Всеволод Борисович. Новгородская IV летопись в рассказе об этом событии именует Владимира князем Торопецким, так сказать, по предыдущему месту работы;: *«Изгнаша Псковици от себе князя Володимеря Торопьскаго»*. Кстати, дальше в тексте идет интересное дополнение. Как только литва узнала, что князь Владимир покинул Псков, то есть был изгнан, как тут же она совершила на город дерзкое нападение и многих людей побила. Это нельзя рассматривать как случайность, скорее это и есть закономерность. Литовцы быстро сообразили, что бояться больше некого. А вот некоторые «особо ученые головы» даже пытаются приписать организацию этого нападения самому Владимиру Мстиславичу. Видимо, в качестве мести. Может, по себе они судят русских князей, для которых само понятие чести было отнюдь не пустым словом.

А что же рижский епископ? Что нужно было ему?

Епископ Альберт умел разбираться в людях, и такой союзник, как Владимир, ему сейчас был просто необходим. А что – умелый в бою и к тому же неплохой политик. Особенно если учесть то, что княжил он на тот момент во Пскове. В отличие от своих несколько туповатых друзей-противников из самого ордена, которым лишь бы мечом во славу Господа махать, епископ был более прозорлив и дальновиден. Он видел, что конфликт с Русью вот-вот грянет. Пришла пора стелить соломку.

Первый, с кем конфликт уже был готов разгореться, — князь Владимир Полоцкий. А крестоносцам и такой противник сейчас не по зубам. Хорошо, что Полоцкий князь отличался нерешительностью, мнительностью и мягкотелостью. Это играло на руку крестоносцам.

Дальше — больше. В 1209 году немцы покусились на земли Южной Эстонии, а затем впервые вторглись на территории, подконтрольные Пскову и Новгороду.

Альберту до зарезу нужен был союзник из числа русских князей. Это и люди, и сила, и авторитет. То, что Владимир являлся лишь младшим братом в семье, Альберта не останавливало. Он предпочитал отдавать дань личным качествам русского князя. У него самого в ордене таких «младших братьев» было пруд пруди.

К тому же, 20 октября 1210 года епископ Альберт вместе с магистром Волквином получают от папы Иннокентия III долгожданную привилегию на раздел Ливонии и Семигалии, а также новое разрешение на полное отпущение грехов. Это серьезный успех.

Именно через эту буллу происходит действительное утверждение ордена папой. Это говорило не только о том, что понтифик оценил в полной мере деятельность рижского епископа, но и о том, что теперь крестоносцы должны были взяться за Прибалтику всерьез. Количество вооруженных паломников, прибывавших в Ригу, свидетельствовало в пользу того, что это время наступит в самом обозримом бу-

душем. А значит, менялась политика, проводимая епископом и крестоносцами.

Таким образом, интересы Рижского епископа Альберта и бывшего Псковского князя Владимира сошлись.

А что еще Владимиру было делать? Пскова он лишился. Пока был жив и в силе Всеволод Большое Гнездо, никакой Мстислав, будь он хоть трижды Удатный, помочь ему был не в силе. Не принял князя и Полоцк, а потому пришлось отправляться в родственный орден. Туда, где его поначалу приняли с распростертыми объятьями. Обогрели, приютили. Дали в управление и на прокорм небольшую область в Латвии. Здесь в его честь назван город Валмиера. Чуть позже, за неоценимые услуги и в качестве благодарности орден добавляет в управление Владимиру Мстиславичу Идумейскую землю с назначением на должность фогта. Земли, полученные Владимиром, были расположены между Ригой и Венденом и населены были главным образом латгалами и ливами. Вот таким образом Альберт пытался прочно привязать к себе нового родственника. Ценил. Дорожил.

За какие же заслуги Владимир Мстиславович был удостоен столь шикарной премии?

Как человек, имеющий определенный вес, как человек, облеченный определенным титулом, Владимир участвовал в переговорах ордена меченосцев с русским князем Владимиром Полоцким, находясь в свите рижского епископа Альберта. Переговоры были непростыми, а если сказать более точ-

но, то очень напряженными. Причин для взаимной неприязни у обеих сторон накопилось уже немало, к тому же одной из них были разногласия по религиозным вопросам.

Именно во время этих переговоров и прозвучала знаменитая фраза о том, что русские короли предпочитают лишь собирать дань с покоренных народов, а не крестить их. Это была прямая претензия, прямой укор, а также повод к столкновению на будущее.

Встреча произошла на нейтральной территории в Герцике. Благодаря дипломатическому искусству Владимиру удалось добиться предотвращения кровопролития между немцами и полочанами. Язык у него был подвешен не многим хуже, чем у старшего брата. Да и даром убеждения он обладал не меньшим. В результате такого общения был достигнут мир между орденом и Полоцком и даже заключен антилитовский союз. Для крестоносцев это был большой успех. Епископ получил в сферу своего влияния всю Ливонию без всякой дани, отдаваемой до этого в Полоцк, и был взамен обременен лишь обязательством помогать Владимиру Полоцкому против Литвы. И признать право свободного плаванья русских купцов по всей Двине. Но обязательство — это всего лишь слово. А слово, тем более свое, при случае крестоносцы могли трактовать так, как им удобно. Это было понятно всем. Полоцк потерял больше, чем приобрел, точнее, уступил сам. А это уже выглядело признаком слабости, неуверенности в собственных силах. Это, пожалуй, был пер-

вый серьезный успех крестоносцев, и тем весомее он был, что достался без всяческого кровопролития. Именно после этих самых переговоров влияние полоцкого княжества в Ливонии начало резко падать.

Однако не всем в ордене такое поощрение русского изгоя пришлось по вкусу. Завистников везде достаточно. Да и немцам он все же не родной. Все, что хотели, они от него получили. Буквально в следующем году новый епископ Рацебургский Филипп начинает конфликтовать с псковским князем и копать под него яму.

Князь едет на Русь, но затем зимой 1214 г. вновь возвращается в Идумею со своим семейством. Однако епископ Рацебурга хочет полностью дискредитировать противника. Войдя в альянс с другим идумейским священником, Альдебрандтом, и воспользовавшись отъездом епископа Альберта, они выступили с обвинением князя в корыстолюбии и мздоимстве. Владимир не стерпел, не такой он был человек, и в ответ на это угрожал обоим, указывая на их собственное богатство и роскошь. Вряд ли доводы и претензии католических прелатов были справедливы. Священникам еще повезло, что горячий русский князь не успел привести свои угрозы в действие. Для него привычнее было доводить дело до конца.

У каждого может быть свой взгляд, но вся жизнь князя говорит о том, что никаким предателем он не был. Да и сам Альберт, повторимся, умел разбираться в людях и знал, ко-

го можно жаловать, тем более так щедро. Поэтому и «атаковали» бывшего Псковского князя только в отсутствие Рижского епископа. Понимали, что делали. Знали, что при нем такие фортели не пройдут.

Однако из-за этого столкновения князь Владимир окончательно возвращается на Русь. Гордость не позволила ему утереться и жить спокойно дальше. Так орден вместо полезного союзника приобрел опасного и инициативного, а главное, сильного и умного врага.

К тому моменту, когда Владимир вновь и окончательно вернулся домой, смерть Всеволода Большое Гнездо вновь изменила расстановку сил на Руси. Воспользовавшись удобным случаем, Мстислав Удатный тут же образовался в Новгороде и укрепился там на более продолжительный срок. Молодым владимирским князьям пока было не по силам решение такой проблемы. В итоге они решили вопрос точно так же, как до этого такие вопросы решал их отец. Всеволодовичи связались с набиравшим силу Мстиславом узами родства. Старшие братья уже были женаты, и поэтому «такая честь» выпала на долю недавно овдовевшего Ярослава. Насколько он сам стремился к такому браку, нам неизвестно. Ни о каких чувствах здесь речи еще не шло. Одна сплошная политика. Чувства пришли позже. Но это уже совершенно другая история.

А раз Мстиславичи утвердились в Новгородских владениях, то и во Пскове сторонники суздальской партии ушли в

тень. Псков вновь призвал на княжение своего бывшего проверенного князя Владимира.

Дальше вновь была война. В этот раз война гражданская. Война за влияние над Новгородом. На тот момент для старшего в клане, Мстислава Удатного, и это был довольно жирный кусок, за который он готов был ухватиться и драться. Разрешился этот конфликт битвой на Липице, одной из самых больших междоусобных битв в истории Древней Руси. Целиком разбирать историю этого кровопролития мы не будем, ибо нашей темы она не касается, хотя и довольно значима для отечественной истории в целом.

Вкратце коснемся участия в нем Псковского князя.

Все это как специально происходит как раз в 1215 году. Вернувшись домой, Владимир буквально тут же включается в борьбу с суздальскими князьями. Братья выступают против братьев, семья против семьи. Монтеки против Капулетти. Может, задержись Владимир в Ливонии, Мстислав бы не рискнул ввязаться в такую авантюру.

Любой пытливый читатель, потратив немного своего времени, может обнаружить интересную закономерность. Как только братья выступают в поход вместе – так удача. Как только Мстислав Удатный берется за что-то один – так провал.

Начнем рассказ об этом противостоянии с эпизода, позже ставшего местной легендой.

В 1216 году младший брат Юрия и Ярослава Святослав

Всеволодович с войском двинулся к Ржеву. И хотя численность его полков довольно сильно преувеличена, но войском изрядным он все же обладал, потому и двинулся на мятежный город. У Владимира Псковского было под рукой всего 500 человек бойцов, и, несмотря на это, он отважно двинулся на выручку осажденного Ржева и освободил город от осады. В руках смелого и умелого полководца 500 умелых ратников, прошедших огонь и воду, готовых на все ради своего командира, совсем не мало. Когда твоему противнику плевать на все: на численный перевес, на непогоду, на смерть, в конце концов тут призадуматься. Святослав бежал, не дождавшись псковских полков. Позже этот героический, или даже безумный, рейд историки стали приписывать старшему брату Владимира, Мстиславу свет Удатному. Вот так и росла слава этого мозгодуя. Как на дрожжах.

Хотя именно после этого события в летописях именовали этот город не иначе как «Ржева Володимирова». А о Мстиславе никаких упоминаний не сохранилось. Позже из этого предания выросла другая легенда, о защитнике Ржева князе Владимире Псковском: *«Каждый раз, когда враги подходили к крепостным стенам, на крутом волжском берегу на белом коне возникал безмолвный воин-князь Владимир. И каждый раз по взмаху его руки враги бежали от города. Каждую ночь князь дозором обходил свой город, и каждый вечер горожане у стены ставили новую пару сапог. Множество новых сапог износил князь, но однажды поленились горожане или забы-*

ли поставить новые княжеские сапоги... С той поры осерчал князь на своих подданных и покинул город».

И хоть город он покинул, однако в памяти людской остался. Княжеские мощи в XVII – первой половине XVIII в. почитали под спудом в Успенском соборе Ржева, а над ними была устроена деревянная резная позолоченная гробница. На ней находилась икона с изображением Владимира и Агриппины, а также сень с иконостасом, возведенная в 1716 году.

Не умаляя мужества и доблести настоящего русского богатыря, попытаемся расшифровать эту легенду. Цель сего геройского рейда объясняется вполне просто – в городе, видимо, находилась жена Владимира, Агриппина Ржевская. Это несколько не умаляет отвагу князя, просто раскрывает мотив такого отчаянного поступка. Другой мог бы и не пойти на такой риск. Но Владимир Псковский, мужественный рыцарь, без страха и упрека, всю свою жизнь нагонявший ужас на врагов, будь то половцы или литвины, нежной и трогательной любовью любил свою жену Агриппину. Этот рейд был для него делом чести, и даже старший брат вряд ли смог бы обуздать порыв младшего. Возможно, именно из-за этого случая на иконах Владимир и Агриппина очень часто изображаются вместе.

Скорее всего, Псковский князь даже не думал разбить Святослава, а просто пытался защитить свое. Возможно, хотел прорваться в крепость, которую обороняла сотня умелых

бойцов, и посмотреть, что у Святослава при таком раскладе может получиться. Только вот, по стечению обстоятельств, Святослав был вынужден уклониться от боя. Ситуация изменилась, и он со всеми своими людьми срочно потребовался старшим братьям. Пути их не пересеклись, никакого боя не случилось. А жителям города недосуг было разбирать нюансы, что, да почему, они просто по достоинству оценили поступок своего защитника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.